
ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

Л.А. Гайнутдинова

Кафедра международных политических процессов
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Социально-политическая практика государства, когда оно выражало интересы лишь меньшей части общества, становится неприемлемой в эпоху модернизации, требующей больших степеней свободы. Разрешение этого конфликта открывает возможности участия более широких слоев общества в политических процессах посредством различных способов политического включения (инклюзии). Именно эти процессы и стали определяющими в формировании современного гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, политическая инклюзия, политическая модернизация, государство.

Возникновение нового типа социальной мобильности/включения. Эпоха модернизации создала такую социальную ситуацию, ставшую доминантной в Западной Европе после английской промышленной и французской революциями, которая вызвала беспрецедентную социальную мобилизацию всех видов человеческих ресурсов.

В процессе социальной модернизации произошла замена отношений иерархической подчиненности и вертикальной зависимости отношениями равноправного партнерства.

Провозглашенный локализм традиционных постсредневековых сообществ был разрушен и заменен созданием национальных арен на экономическом, политическом и культурном уровнях. Усилилась специализация профессиональной деятельности людей: успех в ней уже зависел не от происхождения, пола и возраста, а от личных качеств человека, его квалификации, уровня образования и трудолюбия. Сформировался совершенно новый тип социальной деятельности личности, важнейшей ценностной ориентацией которого стал индивидуализм.

В свою очередь, модернизация в культурной сфере предполагала секуляризацию образования, наличие идейного и религиозного плюрализма и устранение массовой безграмотности.

Составной частью социокультурной модернизации стало развитие средств массовой коммуникации и появление массовой культуры, а также приобщение все возрастающей части населения к культурному наследию прошлого.

Модернизационный процесс в политической сфере выразился в том, что начала перестраиваться государственная власть и управление: наряду с тенденциями к централизации политической власти появились тенденции развития и совершенствования местного самоуправления. В процессе политической модернизации расширилось участие широких народных масс в политике, и на этой основе стал меняться тип легитимности и механизм легитимации политической власти.

Таким образом, модернизационный импульс влиял на всю общественную структуру. Если доиндустриальное традиционное общество характеризовала определенная однородность, низкая социальная дифференциация, то современное общество основывается на усложняющемся разделении труда и том, что следует за ним — высокой специализации профессиональных ролей. Это же означает существование сильно усложненной многомерной сети социальных ролей, а также определенных групп интереса в рамках плюралистического общества. В силу этого неминуемо соперничество между отдельными субъектами за доступ к повсеместно признаваемым благам.

В целом в эпоху модернизации ориентации населения сместились с локального периферийного уровня к национальному центру. Создание новых широких арен означало, что население подверглось воздействию со стороны национальных рынков, национальных образовательных систем и, кроме того, быстро развивающейся административной системы национального государства.

В этот период возникает и новый тип социальной мобильности/включения, который базировался на различных отношениях между группами и национальным центром, т.е. открылись новые пути вовлечения людей во взаимодействие с центром.

В целом в эпоху модернизации утвердился такой тип социального устройства, в котором не только публичные и частные сферы четко разделились, но и были проложены новые каналы для широкомасштабной мобилизации населения и его автономного или гетерогенного включения в национальные экономические, политические и культурные процессы. Таким образом, именно в эпоху модернизации были заложены фундаментальные основы гражданского общества как процесса распределения гражданских и политических прав.

Формы распределения гражданских и политических прав. Профессор социологии Лондонской школы экономики Никос Моузелис [10. Р. 225] считает, что если процесс модернизации влечет за собой экстенсивное распределение сверху вниз гражданских и политических прав, то такой процесс называется сильным гражданским обществом. Когда же такие права не широко распространены, например, когда массы вовлекаются гетерономно в авторитарной манере — слабым гражданским обществом. Можно, конечно, поспорить с тем, что гражданское общество вообще существовало в то время, когда большая часть населения находилась вне централизованного политического процесса. Однако понятно, что в данном случае термин «гражданское общество» используется ограниченно и не включает в себя социальные группы и институты, которые в период модернизации находились между первичными (примордиальными) группами или институтами, с одной стороны, и государственными группами и институтами, с другой стороны. В соответствии с таким подходом Н. Моузелис [10. Р. 226] определяет основные показатели, характеризующие сильное гражданское общество:

- 1) существование правовых условий, которые эффективно защищают граждан от произвола государства;
- 2) существование хорошо организованных негосударственных групп интересов, способных проверять нарушения закона теми, кто контролирует средства администрирования и принуждения;

3) существование сбалансированного плюрализма между институтами гражданского общества таким образом, что ни один из них не может стать абсолютно доминирующим.

Как известно, исторически гражданское общество возникает в процессе борьбы между самоорганизующимися элементами, конкурирующими за некую юрисдикцию и преследующими коллективные интересы. Однако и по сей день сила гражданского общества отражается в распределении политической власти по всему общественно-политическому спектру. В конечном счете, оно вносит свой вклад в существование стабильных демократических режимов, поддерживающихся уже сильными гражданскими обществами, составные элементы которых, прежде всего, прошли свой путь борьбы за демократию.

В ситуации, когда слишком сильное и авторитарное государство доминирует, гражданское общество является слабым. Так, например, именно слабость гражданского общества внесла свой вклад в институционализацию авторитарных структур в большинстве стран Латинской Америки.

Также стоит отметить, что гражданское общество характеризуется различным уровнем гражданского участия.

Демократическое гражданское общество определяется как общество, в котором существует максимальная сила прямого группового участия в принятии решений, влияющих на жизнь граждан. Это требует множественности относительно мелких демократически структурированных и основанных на участии организаций. Идеально-типическим примером является Северо-Западная Европа, где процесс модернизации происходил таким образом, что гражданские и политические права, которые в доиндустриальную эпоху принадлежали только тем, кто находился наверху социальной пирамиды, стали широко распространяться на тех, кто находился на низших стратах. Такая широкая диффузия прав была достигнута как сверху (элитами, конкурирующими между собой за политическую поддержку непривилегированных классов), так и снизу (через экономические и политические организации городских и сельских рабочих).

Конечно, этот процесс был медленным и неравномерным. Во многих случаях борьба за приобретение прав начиналась на политическом уровне, например, с попыток получить право голоса или право сформировать ассоциации.

В обществах, где процесс модернизации проходил намного позже, несмотря на относительно раннее введение либерально-демократических политических институтов, утверждение политики социальных программ по улучшению бытовых условий, процесс включения почти во всех случаях принимал более вертикальный и авторитарный характер, а распространение политических и социально-экономических прав было более неравномерным и ограниченным. Несмотря на то что нижние слои и классы были включены в структуры национального центра, они не получили достаточного влияния на политическую власть, распределение финансовых ресурсов и социального статуса.

Роль государства в запоздалом развитии. Чем позже государство включается в процесс развития, тем больше этот процесс нуждается в руководстве сверху,

преимущественно со стороны государства или других институтов, которые централизованно конструируются самим государством. Хотя такие обобщения были сфокусированы на европейских процессах, этот вывод можно распространить и на весь мир.

К этой гипотезе необходимо добавить, что некоторые государства более чем другие способны к формированию стратегии развития. Поэтому структура государства является наиболее значимой для понимания того, почему государства запоздалого развития с сопоставимыми стартовыми условиями и ресурсами показывают разные результаты в мировой экономике.

Как считает Н. Моузелис [10. Р. 230], несколько государств, которые начали развиваться позже, но, тем не менее, приблизились (например, Южная Корея, Тайвань) или даже стали частью (Норвегия, Финляндия, Новая Зеландия, Австралия) так называемого первого или развитого мира, имеют следующие базовые черты развития:

1) успешная аграрная модернизация, в результате которой произошло не только повышение производительности, но и сформировался определенный уровень аграрного эгалитаризма, способный создать важный внутренний рынок домашних хозяйств;

2) сильные связи между первичным и вторичным секторами и, в более общем виде, создание индустриального сектора;

3) относительно эффективный и интервенционистский государственный аппарат, играющий решающую роль в модернизации сельского хозяйства и его эффективной связи с промышленностью.

Неудачные попытки модернизировать сельское хозяйство и четко связать его с промышленностью обычно ведут к инфляции государственного аппарата и к развитию его коррупционных черт. Требования экономической рационализации и дальнейшего развития институтов гражданского общества системно подчиняются требованиям консолидации и экспансии партийных и государственных интересов.

Несмотря на то что развитие государства и институтов гражданского общества не всегда противоречат друг другу, аккумуляция политического или экономического капитала в обществах запоздалого развития имеет тенденцию быть взаимно враждебным. Логика построения или создания политической базы чаще подрывает логику рыночной и экономической рационализации. Итог: в периферийных странах государство напоминает колосс на глиняных ногах без способности разумно реагировать на быстро меняющийся мировой контекст.

Основные способы политического включения (инклюзии). Основной проблемой гражданского общества в процессе модернизации является связь с государством, которая почти во всех случаях определяет то, какого вида автономии на национальном уровне удастся или не удастся достичь. Так, Н. Моузелис [10. Р. 231] считает, что с точки зрения идеально-типических понятий политическое включение (инклюзия) низших классов в процесс модернизации происходит тремя различными способами:

1) *интегративный способ*, который превалировал в некоторых северо-западных европейских политических системах и который отличается относительно ав-

тономной горизонтальной системой включения (инклюзией) населения в национальную политику [12. Р. 73];

2) *инкорпоративно-клиентелистский способ*, который приводит людей в политику путем включения в персонализированные, высоко партикуляризованные патрон-клиентельные сети (1), пересекающие и снижающие значимость более горизонтальных форм политической организации, таких как профсоюзы или партии, изначально основанных на универсальных критериях рекрутирования;

3) *инкорпоративно-популистский способ*, который мобилизует и вводит новичков в активную политику не через вертикально организованные клиентелистские сети, не через горизонтально организованные группы интересов, а, скорее, посредством массовой привязанности к лидеру, чья харизма становится главным источником легитимации и чья плебисцитарная организация (если вообще какая-нибудь имеется) становится главным связующим звеном между интересами гражданского общества и публичной сферой.

Периферализация интегративного способа политической инклюзии.

Н. Моузелис [10. Р. 232] определяет также причины, по которым в запоздало развивающихся полупериферийных обществах, как правило, развивается тенденция замены или периферализации (2) интегративного способа политической инклюзии на более инкорпоративный клиентелистский и/или популистский способы, выводящие массы людей на общенациональную политическую арену более вертикальным, гетерономным способом.

Очевидная причина провала установления автономного, легально-бюрократического типа политической интеграции при запоздалом развитии связана с наслідием периода до независимости этих стран.

Как указывали Макс Вебер [17], Отто Хинце [3] и многие другие социальные мыслители, в нескольких частях доиндустриальной Западной Европы был достигнут прочный баланс между централизованной администрацией монарха и различными группами средних слоев. Этот баланс в сочетании с благоприятными условиями за последние два столетия привел к успешно функционирующим демократическим парламентским режимам, которые характеризуются сильным гражданским обществом, способным контролировать политический/государственный произвол.

Если принять во внимание удивительную отчетливость этого баланса, то становится очевидным, что страны, получившие независимость только в XIX веке или позже и не имеющие такого же западноевропейского плюралистического наследия, находились в крайне неблагоприятных условиях с самого начала.

Конкретный пример: вплоть до начала XIX века некоторые страны Балканского полуострова и южной части Латинской Америки были подчиненными частями огромных патримониальных империй — соответственно, Оттоманской и Иберийской. В качестве таковых эти страны не имели опыта западноевропейского абсолютизма с его уникальным балансом между монархом и аристократией, который уже на ранних стадиях привел к зарождению основ правового государства и возникновению средних слоев.

Вместо этого Оттоманское государство к концу своего существования очень близко подошло к крайностям патримониального правления, которое М. Вебер

[16. Р. 231—232] назвал султанизмом, т.е. системой, характеризующейся полным подчинением знати и высших государственных лиц правителю-деспоту.

Можно сказать, что аналогичный тип крайнего, деспотического патримониального правления доминировал и в колониальной Латинской Америке, где отсутствие политического феодализма позволило иберийским правителям создать сильное деспотическое государство, нетерпимое к автономным интересам групп и ассоциаций [14; 15].

Государство в обществах запоздалого развития не только находилось под бременем негативного наследия, но и траектория его развития после обретения независимости еще больше усилила деспотические характеристики предшествующего периода.

Если учитывать колоссальный рост государства, предшествовавший развитию капиталистического производства, и принимать во внимание, что запоздалая широкомасштабная индустриализация была достигнута только под патронажем государства, и, наконец, ограниченный тип капитализма, который, в конечном счете, стал господствовать на полупериферии, то не удивительно, что большинство организаций гражданского общества функционировали здесь не столько как защитники от государственного деспотизма, сколько как административное дополнение к государственному аппарату, высоко коррумпированному и партикуляристскому по своему характеру. Это справедливо, например, по отношению к различным организациям рабочих, таким, как профсоюзы, которые, в отличие от западного варианта, создавались не оппозицией государству и бизнесу, а самими государственными элитами для укрепления своих инструментов доминирования [12].

Это различие между центром и периферией/полупериферией в отношении артикуляции интересов государства и гражданского общества становится совершенно очевидным при сравнении современного корпоративизма [1. С. 14—22] в двух случаях.

В развитых демократических странах сотрудничество капитала, труда и государства не носит принудительного характера и основано на том, что три партнера стремятся координировать свою политику и достигать соглашения, находясь в положении относительной автономии. В странах запоздалого развития то, что называется корпоративистскими соглашениями, базируется не столько на реальном сотрудничестве, сколько на открытом или скрытом принуждении со стороны государства.

Другими словами, корпоративистские соглашения, преобладающие в большинстве стран с запоздалым развитием, находятся где-то в промежутке между демократическим/либеральным корпоративизмом (3), как, например, в скандинавских странах, и, другой крайностью — фашистским корпоратизмом времен Муссолини и Франко. В свою очередь, либеральный корпоратизм влечет за собой сильное гражданское общество; фашистский корпоратизм, где трудовые права формально отменены, — почти не существующее гражданское общество; и авторитарный корпоративизм, где права профсоюзов ослаблены скорее *de facto*, чем *de jure* — слабое гражданское общество.

Клиентелизм. Благодаря наличию структурных сложностей в институционализации интегративных способов инклюзии в странах запоздалого развития процесс вовлечения, как уже упоминалось, приобретает более инкорпоративно-авторитарную форму. Одна из таких форм, которая демонстрирует сильную связь с прошлым, представляет собой активизацию/расширение уже существующих клиентелистских сетей. Другими словами, в этом случае политическое включение (инклюзия), например, переход от ограниченных, олигархических к более широким формам политического участия, осуществляется путем расширения и централизации уже доступных сетей и организаций патронажа.

В качестве яркого примера такого типа политической модернизации Н. Моузелис [9] рассматривает Грецию, социально-политическая система которой во второй половине XIX века, как и в ряде других балканских и латиноамериканских обществах, характеризовалась олигархическим парламентаризмом. Несмотря на введение всеобщего избирательного права для мужчин, несколько знатных семей (так называемые *tzakia*) были в состоянии с помощью клиентелистских или более насильственных способов более или менее автоматически контролировать голосование крестьян.

Этот тип ограниченной, скорее *de facto*, чем *de jure*, парламентской системы был разрушен в 1909 г. военной интервенцией, которая стала катализатором серии реформ, драматическим образом ускоривших процесс инклюзии. На этот процесс оказала влияние новая партия — Либеральная партия Венизелоса, создавшая условия для возникновения новых политических элит как на местном/региональном, так и на национальном уровне. Однако, несмотря на неоднократно повторявшиеся попытки Венизелоса перебороть клиентелизм, который вел к практике политической коррупции, и создать легально-бюрократическую политическую организацию западного типа, он не смог справиться с оппозицией могущественной местной знати и вынужден был ограничиться менее радикальной формой политической модернизации [6].

Такая форма политической модернизации заключалась в трансформации олигархических партий как клубов для знати в более широкие, основанные на клиентелизме партии с более централизованной партийной иерархией. Так, например, если в олигархический период местные властители могли легко менять свою партийную принадлежность, сохраняя при этом свои клиентелы, то в XX веке такой автоматический перенос людей и голосов от одной партии к другой стал значительно более трудным. Этот менее олигархический тип клиентелизма просуществовал в Греции до военного переворота 1967 г., который отменил парламентское правление на семилетний период [9].

Популизм. Другим способом вовлечения низших классов в национальную политику в период быстрой модернизации является использование популистских механизмов включения/инклюзии. Здесь традиционный олигархический клиентелизм не просто расширен и трансформирован, но и в значительной части заменен другим типом политической мобилизации/инклюзии, которая обходит стороной или снижает роль сильных организационных посредников, характерных и для клиентелистского, и для легально-бюрократического типа.

Как подчеркивал М. Вебер [11], с идеально-типических позиций инкорпоративно-популистский способ влечет за собой создание плебисцитарных организационных структур. Он порождает организационные формы, которые легко подчиняются харизматическому лидеру, способному обойти посредников и апеллировать напрямую к «народу». Другими словами, если местные боссы клиентелистских партий, несмотря на их постолигархическую, т.е. более централизованную организацию, сохраняют значительную часть автономии национального лидерства, основанную на способности контролировать клиентов-избирателей посредством родственных связей или иных персонализированных сетей, то в случае популизма партийные кадры получают власть, скорее, сверху, благодаря харизме лидера, чем снизу.

При более конкретном анализе Д. Белл [2; 8] выделяет различия между Грецией, где переход от олигархической к более широким формам политического участия произошел преимущественно путем применения клиентелистских механизмов, и странами северной части Балканского полуострова, где процесс инклюзии принял более популистскую форму.

Поскольку в северной части Балканского полуострова существовал больший эгалитаризм в среде крестьян, а также наблюдалась слабость землевладельцев и городского среднего класса, развал олигархического парламентаризма и расширение политического участия были отмечены развитием массовых крестьянских партий. Эти партии в меньшей степени, по крайней мере, изначально, были основаны на традиционных патрон-клиентелистских сетях, чем на прямом обращении к крестьянским массам со стороны харизматических лидеров.

С другой стороны, в латиноамериканской полупериферии землевладельцы были значительно сильнее и поэтому оказались в большей степени в состоянии клиентелистским путем контролировать своих подчиненных в сельской местности. Однако поскольку здесь существовал более высокий уровень урбанизации и индустриализации, чем в северной части Балкан, олигархический парламентаризм был уничтожен скорее под воздействием городского, а не сельского популизма.

Быстро растущий городской средний класс оказался способен разрушить олигархический контроль над государством, который осуществляли небольшое количество семей землевладельцев/экспортеров, и включиться в активную политику путем мобилизации городских масс и выстраивания популистских организаций как противовеса сохраняющейся экономической власти землевладельцев [12. Р. 62—72].

Конечно, популизм в Латинской Америке, особенно в межвоенный период, не может быть объяснен только с точки зрения олигархического/постолигархического перехода. Его относительная распространенность в ранний постолигархический период не в последнюю очередь объясняется и экономическими факторами, такими как переход после 1929 г. от экспорта первичной продукции к импортозамещающей индустриализации. Это переключение создало очень благоприятные условия для развития политики, основанной на антиимпериалистической

риторике и на социальных мерах инклюзии из ряда «кнута и пряника» — таких как социальное обеспечение рабочих с одновременным снижением уровня автономии профсоюзных организаций (4).

Когда в первые послевоенные годы традиционная модель импортозамещающей индустриализации перестала работать, пришлось углублять индустриализацию с помощью иностранного капитала. Это резко сократило воспроизводство популистских моделей инкорпорирования, в результате чего включение в политический процесс (инклюзия) стал принимать более клиентелистские и/или авторитарные формы.

Все вышесказанное означает, что в отличие от типичной западноевропейской траектории и вопреки тому, что утверждают неозволюционистские теории модернизации, инкорпоративные механизмы инклюзии (клиентелистские или популистские) не отходят на задний план по мере того, как общества запоздалого развития достигают более высокого уровня индустриализации и урбанизации. Они проявляются в тенденции к сохранению или даже доминированию в различных комбинациях, когда политические элиты стремятся приспособиться к внезапному и массовому выходу низших классов на национальную политическую арену в ситуации растущего социального неравенства [7].

Тот факт, что инкорпоративные способы в условиях массовой политики являются не столь эффективными, как интегративные, для поддержки хорошо функционирующей парламентской демократической системы, приводит к авторитарным решениям в тот момент, когда клиентелистские и/или популистские организационные договоренности перестают работать. Это не означает, что авторитаризм, например, в форме военной диктатуры, может быть институционализирован навечно.

Высказанные выше положения приводят к следующим выводам:

— *интегративные* способы политической мобилизации/инклюзии ведут к формированию относительно сильного гражданского общества, способного отслеживать и проявления государственного деспотизма, и ложное представительство частного гражданского общества посредством популистских способов мобилизации;

— *инкорпоративные* же способы, и клиентелистский, и популистский, ослабляют гражданское общество.

В клиентелистском случае это ослабление происходит благодаря тому факту, что патрон-клиентелистские формы представительства потворствуют интересам лишь меньшинства клиентов, совершенно игнорируя тех, кто не хочет или не может найти себе патронов.

В популистском случае, особенно когда популистские лидеры начинают контролировать государственный аппарат, их плебисцитарный стиль лидерства ведет к снижению роли посреднических структур, и тем самым гражданское общество теряет способность контролировать государственный произвол сверху или власть толпы снизу.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Этим термином описывают неформальные властные отношения между индивидами или группами, занимающими неравные позиции, основанные на обмене бенефициями. Патрон — человек, обладающий высоким статусом, использует свой авторитет и ресурсы для оказания покровительства и представления бенефиций тем, чей статус низок — клиентов, которые в обмен за это оказывают ему поддержку и разного рода услуги. В качестве главного механизма современного клиентелизма выступает политическая машина, возглавляемая и направляемая боссом, который играет роль политического менеджера. Особенно ярко клиентелизм проявляется в обществах переходного типа, претерпевающих ускоренную и чаще всего насильственную модернизацию. Но, являясь одной из форм регулирования общественных отношений посредством консенсуса, клиентелизм в той или иной степени представлен во всех политических системах.
- (2) Отхода на задний план.
- (3) Например, Г. Лембрух определил либеральный корпоратизм как «особый тип участия больших организованных групп в выработке государственной политики, по преимуществу в области экономики, отличающийся высоким уровнем межгрупповой кооперации» [4].
- (4) По поводу дискуссии о связи между импортозамещающей индустриализацией и популизмом см.: [5].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Illmutter Ф.* Неокорпоратизм // Политические исследования. — 1997. — № 2.
- [2] *Bell D.* The Agrarian Movement in Bulgaria, unpublished PhD thesis. — Princeton, 1970.
- [3] *Hintze O.* The Preconditions of Representative Government in the Context of World History // F. Gilbert, ed. The Historical Essays of Otto Hintze. — Oxford: Oxford University Press, 1975.
- [3] *Lenmbruch G., Schmitter Ph.* (eds.) Trends Towards Corporatist Intermediation. — Beverly Hills and L., 1979.
- [4] *Malloy J.* Authoritarianism and Populism in Latin America. — Pittsburgh, Penn.: University of Pittsburgh Press, 1977.
- [5] *Mavrogordatos G.* Stillborn Republic: Social Coalitions and Party Strategies in Greece 1922—1936. — Berkeley, CaL.: University of California Press, 1983.
- [6] *Mouzelis N.* Class and Clientelist Politics: The Case of Greece // Sociological Review. — 1978. — Vol. 26.
- [7] *Mouzelis N.* Greek and Bulgarian Peasants: Aspects of their Sociopolitical Organization during the Interwar Period // Comparative Studies in Society and History. — 1976. — Vol. 18.
- [8] *Mouzelis N.* Modern Greece: Facets of Underdevelopment. — London: Macmillan, 1978.
- [9] *Mouzelis N.* Modernity, Late Development and Civil Society // J.A. Hall (eds.) Civil Society. Theory, History, Comparison. Polity Press. — Cambridge, 1995.
- [10] *Mouzelis N.* On the Concept of Populism: Populist and Clientelist Modes of Incorporation in Semiperipheral Polities // Politics and Society. — 1985. — Vol. 14.
- [11] *Mouzelis N.* Politics in the Semi-Periphery: Early Parlamentarism and Late Industrialization in the Balkans and Latin America. — London, Macmillan, 1986.
- [12] *Pesetz B.* Peasant Movements in South-Eastern Europe. — Unpublished PhD thesis, Georgetown University, 1950.
- [13] *Sagatti M.* Spanish Bureaucratic Patrimonialism in America // Politics of Modernization Series no. 1. — University of California, 1966.
- [14] *Veliz C.* The Centralist Tradition in Latin America. — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980.

- [15] *Weber M. Economy and Society* // ed. G. Roth and C. Wittich. — Berkeley, CaL.: University of California Press, 1978.
- [16] *Weber M. The City*. — London: Macmillan, 1958.

**CIVIL SOCIETY AND STATE
IN THE AGE OF MODERNIZATION:
POLITICAL DIMENSION**

L.A. Gainutdinova

The Department of International Political Processes
Saint Petersburg State University
Yuniversitetskaya quay, 7/9, Saint-Petersburg, Russia, 199034

Socio-political practice of state, when it represented only interests of elites becomes unacceptable in the age of modernization which requires larger degrees of freedom. The solution of this conflict opens possibilities of participation in political processes for many social groups by means of political inclusion. That processes defined the shape of modern civil society.

Key words: civil society, political inclusion, political modernization, state.